

—один из первых философов, открывших новое направление в философии. Явившийся в свое время как бы антическим философом, он, несмотря на то что и сам не имел никакого отношения к антическому философству, тем не менее, внес значительный вклад в развитие философии. Имя его стало известно во всем мире, и оно будет жить вечно. **ОБЪЯСНЕНИЕ СЪ П. Е. АСТАФЬЕВЫМЪ.**

Въ номерѣ отъ 7 октября 1888 г. „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена рецензія П. Е. Астафьевы на № 1 „Своего Слова“. Прежде всего я долженъ принести глубокую благодарность г. Астафьеву за его сочувственное отношение ко мнѣ и къ моему изданію. Ободряющее слово со стороны человѣка, серьезно мыслящаго и серьезно относящагося къ философскому знанію, въ высокой степени цѣнно для меня, дѣйствующаго въ той же области изолированно, въ сторонѣ отъ литературныхъ кружковъ и партій того или другого лагеря, въ духѣ и направленіи, никакъ не могущемъ разсчитывать на многихъ читателей.

Поблагодаривши П. Е. Астафьеву за его вниманіе къ моему сборнику и за доброе слово, я считаю не безполезнымъ вступить съ нимъ въ нѣкоторое объясненіе, по поводу высказанныхъ въ его статьѣ критическихъ замѣчаній.

Кромѣ возможности, что мы съ г. Астафьевымъ принадлежимъ къ болѣе или менѣе различнымъ философскимъ системамъ, я усматриваю еще два мотива, которые могли повести и повели его къ разногласію со мною и критическимъ замѣчаніямъ, имъ противъ меня направленнымъ. Одинъ мотивъ болѣе общаго свойства заключается въ неустановленности смысла терминовъ, употребляемыхъ представителями философскаго знанія. Сплошь да рядомъ случается, что въ этой области два ученыхъ употребляютъ одинъ и тотъ же терминъ, но соединяя съ нимъ болѣе или менѣе различное понятіе.

Противъ этого мотива разногласія только одно средство — надо договориться въ терминахъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что едвали мы съ г. Астафьевымъ употребляемы термины: опытъ, опытный, условія опыта и т. д. въ одномъ и томъ же смыслѣ. Другой мотивъ разногласія и возраженій, которыя предъявляютъ мнѣ мой поченный критикъ, вытекаетъ, по моему, изъ пѣкоторой *послѣдности*, съ которойю г. Астафьевъ, не подождавъ болѣе полнаго выраженія и изложенія возврѣній, которымъ едва, едва положено только начало въ первомъ номерѣ „Своего Слова“, такъ сказать, *антинципируетъ* это выраженіе, какъ бы угадывая и дополняя его отъ себя, и, принимая это дополненіе за мое мнѣніе, спѣшить оспоривать его.

Такъ, напримѣръ, подводятъ итогъ сказанному (мною¹⁾) о субстанціи г. Астафьевъ говоритьъ, что субстанція, по моему, „должна быть бытіемъ виѣ условій пространства, времени и причинности, т. е., *внѣ условій опыта*, быть трансцендентною и, наконецъ, соподобною своей природѣ *дѣйствующуюю*“ (34) и своею дѣятельностью производящую весь міръ явлений въ пространствѣ и времени и при томъ явлений не только материальныхъ, но и явлений сознанія“.

Выписанная мною въ кавычкахъ слова изъ статьи П. Е. Астафьева съ ссылкою на 34 стр. „Своего Слова“ должныствовать означать, если не точно мои выраженія, то, по крайней мѣрѣ, мою мысль, между тѣмъ въ нихъ я рѣшительно не могу признать ни своихъ словъ, ни своей мысли. Но сперва посмотримъ, что дѣйствительно сказано на показанной 34-й стр. Тамъ сказано отъ лица Сократа.

¹⁾ Г. Астафьевъ полагаетъ, что подъ именемъ Платона Калужского скрывалось я самъ. Хотя это и не точно, но, вслѣдствіе моей солидарности съ авторомъ „Бесѣдъ съ петербургскимъ Сократомъ“, эта неточность не наноситъ мнѣ никакого ущерба, и я вполнѣ беру на себя ответственность за возврѣнія, выраженные авторомъ „Бесѣдъ“, или точнѣе однимъ изъ выведенныхъ имъ лицъ, именно: „Сократомъ“ съ Песковъ.

„Существовать, по моему, прежде всего значитъ быть субстанцией, т. е., вѣчно имѣть свою неизмѣнную и индивидуальную природу, не зависящую отъ пространства, времени, причинности и т. п. и далѣе, сообразно этой природѣ, дѣйствовать“ (стр. 34).

Значитъ, единственная мысль, которую выразилъ тамъ Сократъ, заключается въ томъ, что субстанція вѣчно имѣеть свою неизмѣнную, индивидуальную природу, независящую отъ пространства, времени и причинности и что она сообразно этой природѣ дѣйствуетъ. Только, и больше ничего! Значитъ, положенія выписки изъ статьи г. Астафьева, а именно: 1) что субстанція должна быть „бытиемъ виѣ условій пространства, времени и причинности“, 2) что „пространство, время и причинность суть условія опыта“, 3) что субстанція „должна быть трансцендентною“, и 4) что она своею дѣятельностью „производить весь міръ явленій въ пространствѣ и времени, и при томъ явленій не только материальныхъ, но и явленій сознанія“;—всѣ эти положенія, говорю я, мною не были высказаны и никакой ответственности я за нихъ взять не могу. Не высказаны они были по той простой причинѣ, что я еще не приступалъ къ разъясненію своихъ возврѣній на то, что такое опытъ, условія опыта и проч., а также и на то, суть ли пространство, время и причинность условія опыта, или не суть¹⁾). Не приступалъ же я къ разъясненію потому, что предварительно мнѣ нужно было сказать о томъ, что такое пространство, время и причинность и указать на источникъ нашего сознанія обѣихъ. Точно также я ни разу не употребилъ терминовъ: *трансцендентный* и (соответственный ему) *имманентный*. Да едва ли и вообще понадобятся мнѣ, для выраженія моихъ понятій и возврѣній, эти термины, впрочемъ.

¹⁾ Что пространство, время и причинность суть условія опыта,— это капитальное положеніе теоріи познанія Канта, но изъ моей книги („Генезисъ и пр.“) вышедшей уже пять лѣтъ тому назадъ, книги, известной и П. Е. Астафьеву, ясно видно, что я вполнѣ освободился отъ кантовой теоріи познанія.

чесъ, довольно часто встречающіеся въ философії. Наконецъ, съ моей точки зрењія, было бы не точно сказать, что „субстанці производятъ міръ явленій въ пространствѣ и времени, явленій материальныхъ и явленій сознанія“. И такъ, всѣ возраженія, которыя дѣлаетъ или можетъ сдѣлать П. Е. Астафьевъ противъ вышеозначеныхъ положеній, я на свой счетъ не принимаю и по поводу ихъ никакихъ объясненій давать не могу.

Все, къ чему меня могутъ побудить эти возраженія, ограничивается тѣмъ, что, для избѣжанія въ послѣдствіи дальнѣйшихъ недоразумѣній, я буду ихъ имѣть въ виду во время изложенія моихъ теорій пространства, времени и причинности и отношенія этихъ началъ къ дѣятельности нашей субстанції.

Теперь возьму еще другой примѣръ, изъ котораго также будетъ видно, что возраженія П. Е. Астафьева касаются не высказанныхъ мною мнѣній, а его предположеній о моихъ мнѣніяхъ. Такъ онъ, на основаніи утверждаемой мною *неизмѣнности природы* субстанції, полагаетъ, что, по моему, невозможна самостоятельная дѣятельность субстанції.

Предположеніе свое г. Астафьевъ основываетъ на моемъ „давнемъ пристрастіи къ Шопенгауеру и Гартману“, слѣдя которымъ я будто бы духовную субстанцію долженъ считать „безсознательною, пребывающею во мракѣ и молчаніи“ и т. под. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, считаютъ ли Шопенгауерь и Гартманъ свою духовную субстанцію бездѣятельною, пребывающею во мракѣ и молчаніи, я опять таки стою на томъ, что нигдѣ въ „Своемъ Словѣ“ ни отъ моего лица, ни отъ лица Сократа не сказано, что духовная субстанція, о которой тамъ идетъ рѣчь, одинакова съ „метафизическими началами Шопенгауера и Гартмана“. Оставляя также въ сторонѣ вопросъ о томъ, имѣлъ ли и на сколько я имѣль пристрастіе къ Шопенгауеру и Гартману, я все таки вообще могъ отъ этого пристрастія отрѣшиться, а главное, ничемъ не заявилъ его въ № 1 „Своего Слова“, которое составляло предметъ рецензіи П. Е. Астафьева. Отсюда слѣдуетъ, что я опять таки не могу быть

отвѣтственнымъ за то, что, по мнѣнію моего почтеннаго критика, слѣдовало бы изъ моего „давняго пристрастія“.

Но отклоняя отъ себя на этомъ основаніи объясненіе относительно многихъ замѣчаній, сдѣланныхъ моимъ почтеннымъ критикомъ, я не могу уклониться отъ объясненія съ нимъ въ двухъ пунктахъ. *Первый пунктъ* состоитъ въ томъ, что для него кажутся несомнѣмыми мои положенія о томъ, что „субстанція по своей природѣ неизмѣнна“ и что „она дѣятельна“. По этому, когда я утверждаю, что эта неизмѣнная субстанція подлежитъ усовершенствованію посредствомъ большей ясности сознанія, то это кажется ему противорѣчіемъ. Я же, напротивъ, не только не вижу въ этомъ никакого противорѣчія, какъ не видятъ его и другие весьма авторитетные философы, но напротивъ считаю эту неизмѣнность природы субстанціи *необходимымъ условиемъ мыслимости* того, что называется процессомъ развитія или усовершенствованія.

Дѣло въ томъ, что два акта или два состоянія, которыя, по отношенію другъ къ другу, составляютъ то, что называется развитіемъ или усовершенствованіемъ, составляютъ это только тогда, когда оба акта или оба состоянія принадлежать одному и тому же предмету или одной и той же вещи, которая переходитъ изъ одного въ другое. Конечно, этотъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть какимъ либо дѣломъ, учрежденіемъ и наконецъ существомъ или субстанціей. Значитъ, только *одна и та же*, т. е., *неизмѣнная въ своей природѣ* субстанція, можетъ совершать акты или быть въ состояніяхъ, которыя составляютъ процессъ развитія. Два состоянія, въ которыхъ находятся два различные, по своей природѣ, предмета, какъ бы и на сколько бы эти состоянія ни разнились, по совершенству, другъ отъ друга, вовсе еще *не составляютъ* развитія или усовершенствованія ни того, ни другого предмета.

Теперь я свое мнѣніе подкѣплю примѣрами изъ исторіи философіи. Гегель нисколько не смущался тѣмъ, что его *одна и та же*, т. е., *по природѣ неизмѣнная идея* развивается, переходя со ступени на ступень и принимая все новыя формы въ трехъ раз-

личныхъ сферахъ: сферъ абстрактно-логической, сферъ природы и сферъ духа. Лейбницъ нисколько не смущается тѣмъ, что каждая изъ его монадъ, оставаясь *одной и той же*, т. е., *неизмѣнной*, по своей сущности и по своей природѣ, субстанцію, проходить чрезъ непрерывный процессъ перемѣны и развитія. Далѣе, онъ ни сколько не смущается тѣмъ, что эта монада, *дѣйствуя* въ своемъ развитіи *собственную силу*, непрерывно, каждый моментъ выражаетъ *одно и тоже*, а именно: во первыхъ, свою собственную индивидуальную сущность и, во вторыхъ, представляетъ всю вселенную, т. е., одинъ и тотъ же объектъ и представляетъ каждый моментъ все *съ большемъ и болѣе ясностью*¹⁾.

Наконецъ даже материалисты нисколько не смущаются тѣмъ, что ихъ субстанціи, напр., атомы кислорода, или желѣза, или сѣры и т. п., оставаясь по своей природѣ неизмѣнными, въ то же время разнообразно и различно дѣйствуютъ въ различныхъ соединеніяхъ съ атомами другихъ простыхъ тѣлъ.

Сказанного сейчасъ я считаю достаточнымъ для объясненія совмѣстимости неизмѣнной природы субстанціи съ ея дѣятельностью и развитіемъ, и если это мое объясненіе не удовлетворило бы г. Астафьеву, то мы можемъ еще разъ возвратиться къ этому пред-

¹⁾ Мнеъ очень пріятно было встрѣтить заявленіе П. Е. Астафьевъ, что ему „симпатиченъ Лейбницъ“, такъ какъ и я считаю Лейбница однимъ изъ главныхъ своихъ руководителей въ той метафизической системѣ, которую надѣюсь, если позволять силы, по немногу изложить въ „Своемъ Словѣ“. Не могу не замѣтить здесь кстати, что если П. Е. Астафьевъ примыкаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ къ Фихте — отцу, то, къ сожалѣнію, я думаю, что мы съ нимъ будемъ болѣе или менѣе разногласить, но если онъ больше слѣдуетъ Лейбничу, то разногласіе наше будетъ стоять главнымъ образомъ на недоразумѣніяхъ и, слѣдовательно, послѣ достаточнаго объясненія можетъ и исчезнуть. Конечно, я считаю невозможнымъ слѣдовать Лейбничу безъ нѣкоторыхъ поправокъ, оговорокъ, вообще безъ преобразованія его системы.

мету тогда, когда будетъ излагаться въ „Своемъ Словѣ“ метафизическое учение о родѣ и способѣ дѣятельности субстанцій.

Второй пунктъ, по которому я считаю нужнымъ войти въ объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ, заключается въ слѣдующихъ его словахъ:

„Если г. Козловъ дѣйствительно думаетъ, что мы себя *сознаемъ* болѣе или менѣе ясно индивидуально и самостоятельнно *субстанцией* (стр. 109) то онъ глубоко заблуждается. Субстанціей (или душой) никто себя *непосредственно* не сознавалъ и не сознаетъ; мы только *заключаемъ* изъ сознаваемой смынѣ состояній этого нашего сознанія, что въ ихъ основѣ лежитъ субстратъ (душа, субстанція). Заключеніе это можетъ быть и вѣрно, можетъ быть и ошибочно, но во всякомъ случаѣ подлежитъ спору и доказательству; *внѣ* спора и доказательства остается единственно *непосредственно* данный внутреннему опыту *актъ* этого же внутренняго опыта, актъ, въ которомъ познающее и познаваемое *тождественны и который по этому нельзя считать явлениемъ*. Этому *акту* и должно бы по видимому придать метафизическое значеніе *начала*, а не *явленія* чего то иного, какимъ г. Козловъ почитаетъ сознаніе.“

Въ приведенной сейчасъ выпискѣ затронутъ такой капитальный вопросъ, что потребовалась бы цѣлая статья, чтобы вполнѣ въ немъ разобраться. Но я постараюсь кратко выразить свое мнѣніе только въ самомъ существенномъ, т. е., что я дѣйствительно считаю наше сознаніе о своей субстанціи, или о своемъ я, непосредственнымъ¹⁾, а не заключеніемъ изъ „смынѣ состояній“, или изъ чего нибудь другого.

Объясненіе мое съ г. Астафьевымъ, по этому пункту, значительно облегчается тѣмъ, что онъ, по видимому, такъ же, какъ и

¹⁾ По солидарности моей съ авторомъ „Бесѣдъ“, я прошу читателей „Своего Слова“ рассматривать сказанное мною сейчасъ, какъ дополненіе къ тому, что сказано объ этомъ же предметѣ въ настоящемъ № 2, въ „Бесѣдахъ 5 и 6“.

я, принимаетъ за непосредственное сознаніе о нашей дѣятельности или ея актахъ. И такъ, мы оба признаемъ непосредственно данными *акты!* Но здѣсь необходимо является вопросъ: при непосредственномъ сознаніи акта, имѣемъ ли мы также непосредственное сознаніе о томъ, къ кому относится актъ, или иначе о томъ, чей это актъ, кто субъектъ, совершающій этотъ актъ? Этотъ вопросъ вслѣдъ за выписанными мною словами задаетъ себѣ и самъ г. Астафьевъ, но отвѣтъ, который онъ на него даетъ, я не совсѣмъ понимаю. Такъ, мнѣ кажется, что въ первомъ абзацѣ, слѣдующемъ за поставленнымъ имъ вопросомъ, онъ признаетъ, что „мы непосредственно и безспорно достовѣрно знаемъ“ этотъ субъектъ въ нашемъ я: но въ слѣдующемъ далѣе абзацѣ г. Астафьевъ опять утверждаетъ, что мы о какомъ либо „субъектѣ или субстратѣ этого акта, лежащемъ въ его основѣ только гадаемъ, умозаключаемъ“.

Но какъ бы ни рѣшалъ этотъ вопросъ г. Астафьевъ, я съ своей стороны сильно сомнѣваюсь, чтобы обѣ актъ или дѣятельности мы владѣли прямымъ и непосредственнымъ сознаніемъ, а дѣятеля, который необходимъ для акта, должны искать путемъ умозаключенія, такъ сказать, отгадывать, при чемъ, конечно, подвергаемся возможности ошибки. Уже *a priori* какъ то не хочется съ этимъ согласиться, ибо, въ такомъ случаѣ, оказалась бы странная дисгармонія въ составѣ и строеніи того, что мы называемъ сознаніемъ.

Но, спрашивается, какъ я могу убѣдить г. Астафьева въ справедливости своего мнѣнія, или, ставя вопросъ общѣ, какъ можно удостовѣриться, или убѣдиться въ томъ, что мы можемъ имѣть о чёмъ либо *первоначальное, непосредственное сознаніе?* Никакими силлогизмами или дедукціями убѣдиться или убѣдить въ этомъ нельзя; сомнѣвающемся можно только указать на *первичный, прямо доступный ему фактъ!* Какъ, напр., убѣдить кого нибудь въ томъ, что мы непосредственно знаемъ цвета, звуки, непосредственно чувствуемъ боль и тому подобное? Очевидно, что другого средства нѣтъ, какъ пригласить сомнѣвающагося посмотреть на тотъ или

другой цветъ, прислушаться къ тому или другому звуку, наконецъ упринуть, уколоть его, чтобы онъ почувствовалъ боль и т. п. Но что дѣлать, если, по сложности и запутанности обстоятельствъ, которыми окружены факты, какъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ, нельзя сдѣлать указанія на него? Тогда какъ убѣдить сомнѣвающагося?

Тогда остается только одно средство: это—косвенное доказательство, доказательство отъ противника, къ которому я и долженъ прибѣгнуть, чтобы отстоять мое положеніе и убѣдить моего критика.

Итакъ, допустимъ же, что мы непосредственно не знаемъ о своемъ я, но примыщляемъ его къ нашимъ дѣятельностямъ на основаніи умозаключенія или догадки! Но въ такомъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ, какой мотивъ побуждалъ бы насъ, такъ сказать, прискивать къ сознаваемому акту дѣятеля и пускаться въ разныя умозаключенія? Казалось бы, что можно остатся при сознаніи дѣятельности и дѣйствія, не чувствуя никакой надобности въ дѣятелѣ, въ субъектѣ дѣятельности! Но тутъ предварительно нужно поставить другой вопросъ: существуетъ или не существуетъ этотъ дѣятель независимо отъ того, можемъ или не можемъ мы знать его непосредственно?

Если онъ не существуетъ, то мы не только не имѣемъ о немъ непосредственного сознанія, но и посредственное есть ничто иное, какъ иллюзія и фикція. Фикціей оказывается при этомъ также и непосредственное сознаніе о дѣятельности этого несуществующаго дѣятеля. Однимъ словомъ, при этомъ предположеніи мы впадаемъ въ сенсуализмъ и скептицизмъ, на что я думаю не согласится и г. Астафьевъ. Если же дѣятель существуетъ, то выходитъ нѣчто странное и неудобомыслимое, а именно, что мы непосредственно знаемъ о своей дѣятельности и ея актахъ, но объ себѣ самихъ непосредственного знанія не имѣемъ, а должны прибѣгать для того къ умозаключенію и догадкѣ. И такъ, при предположеніи существованія дѣятеля, болѣе естественнымъ и удобомыслимымъ является положеніе о томъ, что этотъ существующій дѣятель также

непосредственно знаетъ о самомъ себѣ, какъ непосредственно онъ знаетъ о своей дѣятельности.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ на другія слѣдствія изъ предположенія, что мы къ непосредственному сознанію о дѣятельности примышляемъ догадку о дѣятельности.

Какимъ бы процессомъ и когда бы ни образовалась у насъ эта догадка, во всякомъ случаѣ мы разумѣемъ, что субъектъ всѣхъ нашихъ дѣятельностей есть *одно и то же существо*. Но образование такого мнѣнія, на основаніи умозаключенія, мнѣ кажется совершенно невозможнымъ въ виду крайняго различія и несходства другъ съ другомъ нашихъ дѣятельностей. Дѣятельности наши, по ихъ неразрывной связи или единству съ ихъ же продуктами или объектами, также различны, какъ и эти объекты или продукты. Если мы возьмемъ только одну *чувственно-познавательную дѣятельность*, то и тутъ мы встрѣчаемся съ предметами, не имѣющими ни малѣйшаго между собою сходства. Что можетъ быть различнѣе актовъ, состоящихъ въ видѣніи цвѣтовъ, въ слышаніи звуковъ и въ обоняніи запаховъ? Далѣе, если взять различные роды вообще *познавательной дѣятельности*, то что можетъ быть различнѣе конкретнаго мышенія образами и абстрактнаго мышенія понятіями? Далѣе, въ другихъ областяхъ нашей дѣятельности, что можетъ быть различнѣе, напр., чувства любви и довѣрія и чувства ненависти и страха? Или въ области воли, что можетъ быть различнѣе между собою, какъ *эгоистическая* воля—совершить то, что нравится и что согласно съ импульсами отъ сладостнаго чувства ожидаемаго наслажденія; и *моральная* воля—совершить дѣйствіе, соединенное съ самоожертваніемъ, добровольно идя на встрѣчу страданіямъ, а иногда вѣрной и мучительной смерти, и также добровольно убѣгая отъ манищаго, въ случаѣ неповиновенія этой моральной волѣ, наслажденія, и совершить это только въ силу мысли о нравственной обязанности? Всѣ эти различія, по моему, всего естественнѣе должны бы были привести насъ къ догадкѣ и заключенію о томъ, что въ основѣ нашихъ различныхъ дѣятельностей лежитъ не одинъ и тотъ же субъ-

ектъ или дѣятель (душа, субстанція), а иѣсколько, даже множество дѣятелей, подобно тому какъ материалисты логически принуждены были бы, если бы, конечно, они были послѣдовательны своимъ началамъ, къ признанію множества душъ въ видѣ клѣточекъ, молекулъ или атомовъ (это ужъ ихъ дѣло!). Но и материалисты, не смотря на это логическое принужденіе, *de facto* признаютъ одного дѣятеля такъ же, какъ признаемъ и мы вмѣстѣ со всѣмъ родомъ человѣческимъ.

Итакъ, заключаю я, если бы мы руководились только догадкой въ примысленіи къ непосредственно сознаваемымъ дѣятельностямъ дѣятеля, то вѣрнѣ всего придумали бы не одного, а многихъ, къ каждой дѣятельности—особаго дѣятеля. Если же дѣло въ этомъ случаѣ вышло иначе, т. е., что мы признаемъ только одинъ субъектъ, то, мнѣ кажется, только по тому, что и *существуетъ* одна субстанція, которая разнообразно и многоразлично дѣйствуетъ, т. е., видитъ, слышитъ, осознаетъ, представляеть, мыслить, хочетъ, чувствуетъ и т. д. и т. д., и *непосредственно сознаетъ* себя, какъ одну и ту же субстанцію, въ разнообразныхъ дѣятельностяхъ и состояніяхъ (акциденціяхъ).

Но опять возвращаюсь къ нашему послѣднему предположенію и еще укажу на все болѣе обозначающіяся его странности. По этому предположенію непосредственно сознаются акты или состоянія. Но чьи они? Неизвѣстно! Однако, кому-то нужно знать, чьи они: этотъ кто-то, не имѣя о томъ непосредственного сознанія, ищетъ, отгадываетъ, умозаключаетъ. Но, вѣдь, отгадываніе, умозаключеніе есть тоже *актъ*; точно также и желаніе найти, отгадать дѣятеля есть тоже *актъ*. Спрашивается, кто же совершає эти акты? Очевидно, иного отвѣта быть не можетъ, какъ: я, ты, онъ или вообще „мы“. Такъ, неужели мы, совершающіе актъ, прямо не знаемъ, что это мы, а не какой то неизвѣстный дѣятель совершає его, и далѣе неужели не знаемъ, что совершає мы этотъ актъ преднамѣренно съ опредѣленной цѣлью найти совершающаго?! Я не знаю, какъ мой почтенный критикъ вышелъ бы изъ этого

затрудненія, но для меня иного пути нѣтъ, какъ допустить, что, если мы знаемъ непосредственно объ актѣ, то со ipso знаемъ, что именно мы, а не другой кто, совершаеть актъ, т. е., знаемъ непосредственно не только о дѣйствіи или актѣ, но и о субъектѣ, дѣятелѣ, т. е., о себѣ, совершающемъ актъ или дѣйствіе.

Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ умозаключаетъ или отгадываетъ себя субъектъ актовъ. Г. Астафьевъ говоритъ, что это умозаключеніе проходитъ на основаніи „сознаваемой смѣни состояній нашего сознанія“, хотя и не объясняетъ, какъ совершается это умозаключеніе. Во всякомъ случаѣ, пока еще этого умозаключенія не сдѣлано, смѣна объективно совершается, но тогъ, къ чьему сознанію относится эта смѣна, еще не извѣстенъ. Вѣдь, смѣняющіяся состоянія не сами же о себѣ знаютъ, что они находятся въ смѣнѣ. Смѣну эту долженъ же сознавать кто нибудь, точно также какъ этотъ кто нибудь долженъ сознавать и содержаніе смѣняющихся состояній. Опять выходитъ нѣчто странное! Какъ возможно, чтобы нѣкто сознавалъ состоянія сознанія, сознавалъ самую смѣну, не сознавая себя имѣющимъ эти состоянія и не сознавая, что они смѣняются *въ немъ и для него*. Но не будемъ обращать вниманія на это одно и тоже постоянно встрѣчающееся намъ затрудненіе. Есть и другое, состоящее, именно, въ томъ, что сознавать смѣны иначе нельзя, какъ сопоставляя смѣняющееся съ чѣмъ нибудь постоянно пребывающимъ! Ни то, ни другое, другъ безъ друга, не мыслимы. И такъ, съ чѣмъ же сопоставляется смѣну состояній сознанія тотъ, кто сознаетъ эту смѣну? По моему, этимъ постояннымъ элементомъ, который необходимъ для того, чтобы осуществилась смѣна и ея сознаніе, можетъ быть ничто другое, какъ этотъ самый субъектъ, сознавшій *свою тождественность* при смѣнѣ *своихъ собственныхъ состояній и актовъ*. Но если смѣна сознается непосредственно, то, конечно, непосредственно сознается и то, по отношению къ чьему отмѣчается смѣна, т. е., субъектъ, которому принадлежать смѣняющіяся состоянія и которому, следовательно, нѣть никакой надобности отыскивать себя путемъ догадки или умозаключенія.

Не могу въ заключеніе не упомянуть еще объ одномъ важномъ затрудненіи соединенномъ съ мнѣніемъ, что мы не имѣемъ непосредственного сознанія о себѣ, какъ единой субстанціи, лежащей въ основѣ многихъ актовъ и состояній, и что мы предполагаемъ ее на основаніи умозаключенія и догадки.

Чтобы умозаключать, догадываться, надоѣно уже имѣть понятіе о томъ, что ищемъ путемъ умозаключенія, т. е., въ нашемъ случаѣ, не зная о себѣ, какъ субстанціи, мы откуда нибудь да знаемъ, что есть нечто, что мы понимаемъ, какъ субстанцію. Значитъ, спрашивается, откуда же мы получили самое понятіе субстанціи? Есть только *две* сферы, которыхъ могли послужить источникомъ для образованія этого понятія: міръ *внѣшній*, матеріальный, пространственный и міръ *внутренній*, данный намъ во внутреннемъ, непосредственномъ опыѣ.

Едва ли П. Е. Астафьевъ думаетъ, что матеріальные вещи должны были повести насъ къ образованію понятія субстанціи, которое мы потомъ переносимъ во внутренній міръ и къ даннымъ въ непосредственномъ опыѣ актамъ и состояніямъ примышляемъ какое то *мнимое и пустое я, не имѣющее бытія, а годное только для обозначенія этихъ состояній и актовъ заразъ, однимъ словомъ*. Во всякомъ случаѣ, при такомъ предположеніи, было бы невозможно удержать и мнѣніе о непосредственномъ знаніи о бытіи этихъ актовъ и состояній и въ концѣ концовъ пришлось бы перейти въ матеріализмъ или, еще послѣдовательнѣе, въ позитивизмъ и скептицизмъ¹⁾.

¹⁾ Конечно, г. Астафьевъ могъ бы, опираясь на Канта, сказать, что понятіе субстанціи не имѣть своимъ источникомъ ни вѣнѣшній, ни внутренній опытъ, но что оно *à priori*, т. е., въ сущности неизвѣстнаго происхожденія. Въ такомъ случаѣ я могу указать на свою книгу („Генезисъ и пр.“), где я высказалъ достаточныя основанія отвергнуть кантовское *à priori*, что, признаюсь откровенно, мнѣ самому удалось сдѣлать только послѣ долгихъ колебаній, сомнѣній и внутренней борьбы.

И такъ, ставя г. Астафьеву вопросъ: откуда мы беремъ идею субстанції, я утверждаю что мы имъемъ непосредственное сознаніе о трехъ элементахъ бытія: своей собственной индивидуальной субстанції, ея дѣятельностяхъ и состояніяхъ и продуктахъ или объектахъ этихъ дѣятельностей и состояній.

Во избѣжаніе недоразумѣній къ этому я долженъ прибавить, что мы не имъемъ сознанія объ этихъ трехъ элементахъ въ ихъ изолированности и особности. Въ сознаніи они всѣ болѣе и менѣе соединены, слиты; и чѣмъ на болѣе ранней ступени нашего сознанія мы находимся, тѣмъ крѣпче эта слитность и тѣмъ труднѣе оторвать элементы другъ отъ друга, а следовательно тѣмъ смутнѣе сознается ихъ особность. Но, по мѣрѣ нашего духовнаго развитія, сознаніе этой особности становится яснѣе; и на высшихъ ступеняхъ развитія, до которыхъ, конечно, доходятъ не многіе, мы имъемъ возможность образовать вполнѣ ясное абстрактное понятіе объ „я“, о дѣятельностяхъ и объ „объектахъ“. Разумѣется, эта абстракція возможна лишь только потому, что *in concreto* есть реальные элементы для этихъ абстрактныхъ понятій. Это совершенно похоже на то, какъ въ развитомъ мышленіи мы, напримѣръ, можемъ имѣть понятіе *особо* о пространственномъ протяженіи цвѣтной поверхности, о цвѣтахъ занимающихъ эту поверхность и о различной яркости или интенсивности этихъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ въ конкретномъ восприятіи или представлениі всѣ эти три элемента даны въполномъ сліяніи, отъ котораго огромное большинство людей никогда и не переходитъ къ ясному сознанію соединенныхъ элементовъ порознь.

Въ состояніи слитности трехъ элементовъ: субстанціи, дѣятельности и объектовъ, одинъ можетъ, такъ сказать, преобладать надъ другимъ и затѣнять собою другой; преобладаніе обыкновенно бываетъ на сторонѣ объектовъ (цвѣтовъ, звуковъ, образовъ, мыслей, понятій и т. д.). Отсюда и происходитъ натуральная склонность начинающаго философствовать ума къ сенсуализму и къ наивному реализму (или материализму), т. е., къ системамъ, признающимъ

дѣйствительно существующими только чувственныя ощущенія или образы представляемыхъ вещей. Но разсужденія объ этомъ предметѣ повели бы меня слишкомъ далеко, а потому я здѣсь и оканчиваю мое объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ по второму пункту.

Что касается до другихъ пунктовъ, по которымъ я могъ бы сказать нѣчто противъ замѣчаній, сдѣланныхъ моимъ почтеннымъ критикомъ, напр., противъ замѣчаній о Дюрингѣ, Тардѣ и о какой то моей „схоластикѣ“, то я, по маловажности этихъ пунктовъ, не считаю нужнымъ затрагивать ихъ, чтобы не удлиннять своей статьи.

Будетъ ли удовлетворенъ, что, конечно, мнѣ было бы жела-
тельно, П. Е. Астафьевъ моимъ объясненіемъ или нѣть, во всякомъ
случаѣ, я встрѣчу его критическія замѣчанія и на 2-ю книжку
„Своего Слова“ съ полнымъ сочувствиемъ и интересомъ, потому
что думаю, что въ основѣ ихъ лежитъ желаніе способствовать разъ-
ясненію этого или другого философскаго вопроса, и постараюсь,
подобно нынѣшнему разу, дать по мѣрѣ силъ, на эти будущія замѣчанія
свои объясненія, въ надеждѣ, что они хоть немногого по-
служатъ на пользу философской науки въ нашемъ отечествѣ.

А. Козловъ.

Печатается по рукописи, хранящейся въ Государственной библиотекѣ им. Н. К. Крупской въ Санкт-Петербурге. Рукопись написана въ 1890 г. на белой бумагѣ синимъ перомъ. Въ рукописи имеются пометы и исправления. Въ рукописи есть инициалы А. К. К. и дата 1890 г. Въ рукописи есть пометы и исправления. Въ рукописи есть инициалы А. К. К. и дата 1890 г.